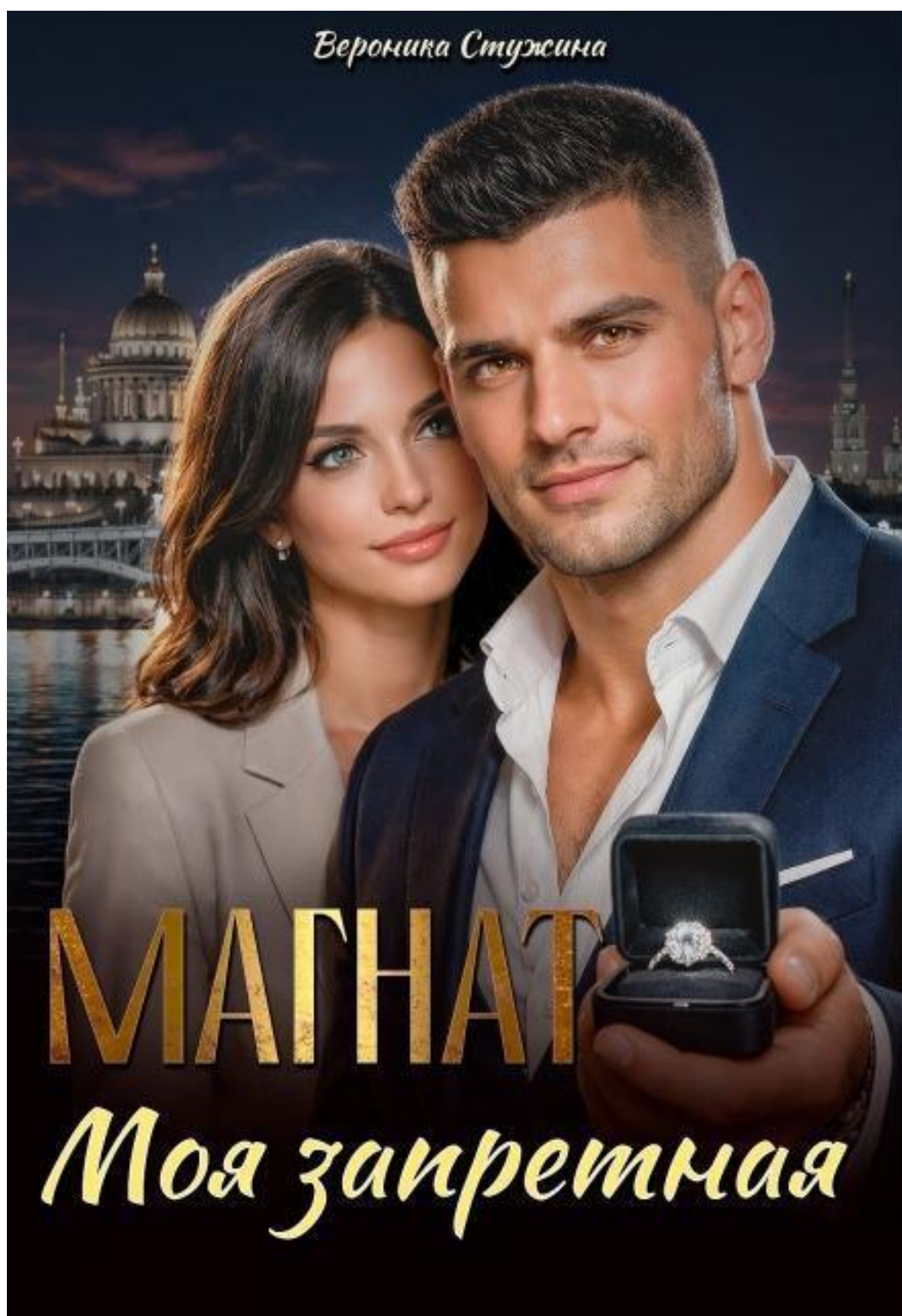

Вероника Стужина

МАГНАТ

Моя запретная

Вероника Стужина

Магнат. Моя запретная

«Литнет»

2026

Стужина В.

Магнат. Моя запретная / В. Стужина — «Литнет», 2026

Он — питерский магнат Арсений Елисеев, вдовец с проседью в висках и двумя сыновьями, чье сердце закрыто после трагической утраты. Она — Элина Холодова, амбициозный аналитик и дочь его лучшего друга, чья карьера рушится из-за запретной любви. Одна ночь в квартире на Крестовском — и все меняется. Тайная связь становится публичным скандалом, а тест с двумя полосками превращает их жизни в водоворот страсти, предательства и борьбы за счастье. Отец Элины жаждет отомстить. Дети Арсения не понимают перемен. Пресса разрывает обоих. Но Арсений не сдастся — он готов сражаться за женщину, которая вернула ему вкус к жизни, и за ребенка, который станет их надеждой. Сможет ли любовь победить предательство отца, корпоративные интриги и собственные страхи? Или беременная невеста останется лишь еще одной раной в сердце одинокого магната?

© Стужина В., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Элина

— Вот подонок! — В голосе Даши, доносившемся из динамика моего телефона, звучит возмущение. Я убавляю громкость и косо гляжу на водителя — не хватало еще, чтобы он слушал наши откровения.

Не то чтобы я спорила с ее вердиктом — просто не была готова выставлять свои ошибки на всеобщее обозрение. Даже если это «всеобщее обозрение» ограничивается тесным пространством салона такси.

По крайней мере, я так себе это объясняю. Я не бегу от реальности, я защищаю личное пространство. Я ведь не такая трусиха, правда?..

Толкнув чемодан, отворачиваюсь к окну.

— Ага, — отвечаю, сжимая ремешок сумки до онемения пальцев.

Я же специально отправила ей сообщение, чтобы *не разговаривать*.
Но, конечно, Даша все равно позвонила.

— Элина, скажи хоть что-то кроме «привет» и «ага», иначе я приеду.

— Не надо, — поспешно выпрямляюсь, точно от угрозы действия. — Я не дома. Еду в центр.

— В отель?

Молча качаю головой, замечая, как в молнии чемодана застрял ярко-розовый бюстгальтер. Морщусь — без потерь не обойдется.
— У меня остался ключ от папиного пентхауса. Помнишь конференцию, куда он каждый год уезжает? Ту самую, что чуть не совпала с моей свадьбой?

Свадьбой. Сердце дергается, будто от толчка. Я прижимаю ладонь к груди — тщетно. Нет, я не расплачусь. Ни за что.

— А, да. Вспомнила, — голос Даши смягчается. — Так... Мне приехать?

Я действительно задумываюсь. Мы могли бы завалиться на диван, открыть бутылку вина и болтать до утра. Звучит заманчиво, если бы не ее работа утром... и не три часа дороги до меня.

— Не стоит, — выдыхаю. — Хочу просто тихо провести вечер. Фильм, еда, может, зайду в спортзал.

— Ты ведь не за рулем? Если ты расстроена, тебе нельзя садиться за руль.

— Все под контролем. Поехала на такси. Завтра по пути на работу заберу машину.

— Я, знаешь ли, не против слегка покалечить кое-кого. Свяжу его, подвешу за ноги — и пусть Кирилл Баринов станет твоей персональной грушей для битья.

Я вздрагиваю, услышав его имя, и отвожу взгляд к окнам, где между домами просвечивает закатное сияние петербургского неба.
— Нет... просто хочу... — И замираю. Хочу что? Сбежать от правды? Спрятаться?

Сжимаю переносицу, чтобы остановить жгучие слезы — и стереть из памяти картинку, как Кирилл в лифте прижимает к себе Катю. Его рука под ее рубашкой. Ее губы. Их дыхание. И сияющие двери, мягко смыкающиеся передо мной.

— Элина? — Дашин голос возвращает меня к реальности. Такси останавливается. Я смотрю на фасад из светлого камня и стекла, быстро расплачиваюсь — добавляю двадцать процентов чаевых — и выхожу, таща за собой сумку.

— Только скажи, что нужно, — голос подруги теперь тихий, заботливый. Даша по натуре довольно вспыльчивая, однако в трудные моменты она всегда рядом.

— Я... не знаю, что мне нужно, — честно признаюсь. Я и правда не знаю. Никто не знает заранее, что его обманут.
Никто не готов увидеть жениха и подругу невесты в момент, когда они вот-вот совершат непоправимое.

Я ведь даже не пошла наверх. Не ворвалась в нашу с Кириллом квартиру, не закричала, не выцарапала Кате глаза и не дала ему пощечину. Я просто сидела в лобби — уютном, дорогом, с потухшим на лето камином — и ждала.

Он не появлялся дома еще несколько часов и, конечно, воспользовался этой передышкой до последней секунды.

Я сидела в машине три часа. Этого достаточно, чтобы он успел показать ей каждую комнату в нашей квартире. Или, может быть, она уже бывала там раньше? Они выглядели в том лифте так уверенно, так естественно, так... жадно. Нет. Если буду гонять эти мысли по кругу, сойду с ума.

— Мне нужно подняться, принять ванну и... подумать, — наконец произношу. — Люблю тебя, Даша. Я пошла.

— И я тебя, Элька, — отвечает она. Это ее упрямая привычка называть меня по-своему. — Пиши, звони, хоть голубя пришли, если надо. Я на связи, что бы ни случилось.

— Спасибо, — тихо говорю, и это правда, хотя в голосе моем ни капли живости. Просто опустошенность.

Двойные стеклянные двери отцовского дома подавляют. Я знаю, что его там нет, но все равно боюсь самого факта: рассказать, что моя жизнь треснула пополам.
 Точнее, ее разрушили изнутри Кирилл и Катя.
 Господи, как я вообще оказалась в этом мелодраматичном кошмаре?

«Жениха застали с подругой невесты. Женщина клянется больше не верить в любовь, переезжает в большой город и...»
 Да на фиг эту мелодраму.

Достаю телефон, нахожу номер Лиды — организатора моей свадьбы — и, распахнув дверь плечом, иду к лифту. Чемодан гремит по кафелю, предательски спотыкаясь на швах. Катя к тому моменту уже ушла — я дождалась, пока точно уйдет. Дождалась конца рабочего дня, чтобы подняться к себе на том самом лифте, от которого теперь сводит желудок.
 Не помню даже, что складывала. Просто швыряла одежду, пока Кирилл сзади лепетал что-то бессмысленное.

«Почему ты злишься? Зачем собираешь вещи? Куда ты вообще собралась?»

— Привет, Лида, это Элина Холодова... Да, благодарю, все выглядело идеально в последнем письме, — говорю, чувствуя, как внутри расплзается тревога, пока двери лифта мягко смыкаются. Смотрю вниз, на свои черные босоножки на ремешках, — не хочу видеть отражение: бледное, усталое, чужое. — Но, к сожалению, нам придется все отложить. — Отложить? Нет, не так. — Вернее, все... отменить.

До свадьбы оставался месяц. Место — без возврата, депозит — без шанса, платье — навсегда неношеное.

Когда кладу трубку, во мне вспыхивает дикая, детская мысль: позвонить обратно и попросить вместо торта для двоих испечь один — с фигуркой, показывающей два поднятых средних пальца. И отправить его Кириллу. Он же за него заплатил.
 Эта дерзкая фантазия неожиданно облегчает дыхание. С ней я дохожу почти до самой двери пентхауса.

Не стучусь — просто вставляю ключ и поворачиваю.

За дверью раздается мягкий мелодичный сигнал, и я втаскиваю чемодан в гостиную, залитую теплым золотом заката. Десятый этаж, вид на Неву, чуть вдалеке огни города, набирающие силу с наступающими сумерками.
 Справа — кухня в стиле «лофт», над раковиной горит единственная лампа. Слева — просторная гостиная, но... что-то в ней не так.

Я прищуриваюсь и делаю пару шагов вперед. На спинке дивана висит рубашка, на столике — планшет.
 Неужели папа решил обойтись без домработницы? Это на него не похоже. Константин Николаевич — человек педантичный, чистоплотный до фанатизма. Даже когда сам все убирал, он все равно приглашал Самиру раз в неделю для порядка.
 Оставить рубашку на виду — это точно не про него.

Отпускаю чемодан, подхожу, беру с дивана черную, гладкую, шелковистую ткань. И в тот же миг меня накрывает чужой аромат — яркий, теплый, с пряной горчинкой. Точно не отцовский одеколон.
 Запах будит что-то внутри, ниже живота, и я на секунду прижимаю рубашку к лицу, вдыхая глубже.

— Элина? — бархатный мужской голос прорезает воздух.

Я оборачиваюсь, сердце подпрыгивает к горлу, рубашка выпадает из рук.
 У дивана стоит Арсений Елисей — расстегнутые брюки, солнечные отблески играют в его янтарно-карих глазах. Я пытаюсь не смотреть, но взгляд сам скользит по рельефному животу, выше — по груди, плечам... и, наконец, останавливается на губах. На тех самых губах, о которых я мечтала подростком, когда глупо влюбилась в друга отца.

Теперь его губы чуть дрогнули, будто в легкой задумчивой улыбке, и я замечаю тонкую складку между бровей — ту самую, от которой когда-то теряла голову. Темные волосы на висках теперь чуть посеребрились, но не утратили густоту. На скулах пробегает нервное движение, потом он выдыхает, и мышцы лица вновь расслабляются.

— Все-таки ты... — Голос у него низкий, обволакивающий, будто скользящий по коже. Знакомое ощущение окутывает меня, проникает вглубь, замирает где-то внизу живота и тянет.

Я делаю шаг к нему — и вдруг вспоминаю рубашку. Поднимаю ее с дивана, снова чувствуя этот запах, теперь уже ясно узнаваемый, и поспешно кладу ткань обратно.

— Прости... — выдыхаю и прочищаю горло. — Я не знала, что здесь кто-то есть. Просто... — и замолкаю, когда он подходит ближе. Он кажется чуть ниже, чем в юности, но мне все равно приходится запрокидывать голову, чтобы встретиться взглядом.
 От него пахнет чистой кожей и свежестью после душа. Незнакомым парфюмом — мужчиной. Настоящим.

— Просто нужна была крыша на одну ночь. Папа ведь уехал, и я подумала... — Мои слова звучат беспомощно, а он, не спуская глаз, аккуратно берет рубашку с дивана.

Не понимаю, почему вдруг снова превращаюсь в ту самую девчонку, у которой сердце в пятках, стоит Арсению лишь появиться рядом. Хотя чего я ожидала? Семь лет — и вдруг увидеть человека, из-за которого когда-то выбрала факультет экономики, папиного лучшего друга.

Арсений опускает взгляд, тени ресниц скользят по скулам. Надевает рубашку, не торопясь, оставляя несколько пуговиц расстегнутыми.

— Ты, может, меня и не помнишь, я...

— Арсений, — перебиваю, чувствуя, как подступает улыбка. — Конечно, помню. Как можно забыть такого мужчину?

Глава 2

Арсений

То, как она произносит мое имя, все еще заставляет меня улыбнуться. Всегда заставляло. Когда-то она была милой девчонкой — единственной дочерью, которая таскалась за отцом на все наши бесконечные деловые встречи, конференции и даже скучные разговоры о политике. Внимательная, восторженная, с глазами, полными искреннего интереса... Она заражала этим интересом всех вокруг.

Теперь она уже не «милая девчонка». Не ребенок. Сколько ей? Двадцать девять? Мысль об этом слегка тревожит — мне самому уже почти пятьдесят, и вдруг ощущаю этот возраст тяжестью в плечах. В ней трудно узнать ту девочку, которой она была раньше: черты стали взрослее, движения увереннее. Только глаза остались прежними — теплые, светло-ореховые, вечно любопытные. Когда она смотрит на меня, уголки губ сами ползут вверх.

— Верно, — отвечаю негромко. Не ожидал, что она меня вспомнит. Хотя когда-то Элина буквально засыпала меня вопросами — про бизнес, рынок, управление. Половина, конечно, была выдумана, чтобы просто остаться рядом подольше. Подростковые увлечения приходят и уходят, думал я тогда. А теперь вот — годы прошли, работа затянула меня, университет — ее, и вдруг она снова стоит передо мной.

— Не хотел тебя напугать.

— Ты и не напугал, — она проводит ладонью по волосам — каштановым, с золотистым отливом от заходящего солнца. — Просто немного растерялась... — Взгляд ее скользит по моей груди, и я машинально начинаю застегивать рубашку. Пытаюсь выглядеть спокойно, хотя это почти невозможно, когда эта женщина смотрит на меня *так*.
Она стала стройной, подтянутой, в ней есть энергия движения — наверное, бегаёт по утрам. Или любит спорт, — мысленно усмехаюсь себе за эту ненужную деталь. На ней черная юбка и легкая бирюзовая блузка, чуть смятая после рабочего дня.

— Приношу извинения за этот небольшой испуг, — произношу ровно, а когда встречаюсь с ее взглядом, едва удерживаюсь, чтобы не прочистить горло.

— А ты... что здесь делаешь? — спрашивает она, и улыбка с моего лица сходит, будто ее и не было. Не ее вина, просто не хочу сейчас что-то изображать или давать ненужные объяснения.
— Вернулся сегодня в город, — отвечаю. — У меня есть дом, но... захотелось побыть где-то поменьше. Хоть немного. — Достаяю из холодильника бутылку воды, открываю крышку. Элина садится на край кухонного стола, ноги покачиваются в воздухе, колени вместе, руки на коленях.

— Разве не удобнее жить в своем доме? — мягко смеется. Но в голосе звучит усталость — почти боль. Будто мысль о том, чтобы *не быть дома*, ей непонятна.

— Моя жена погибла, — говорю спокойно.
Ее улыбка мгновенно исчезает.
— Это была авария... Пару месяцев назад. Никто не виноват, просто...

— Боже... Арсений... Прости, — шепчет она, прикрывая рот ладонью, другую прижимает к груди. — Мне папа что-то говорил... Но я не знала, что совсем недавно...

Слезы появляются в ее глазах почти сразу. Голос дрожит, и мои пальцы сами тянутся к ней — стереть слезу, коснуться щеки, но я лишь сильнее вцепляюсь в край столешницы, чтобы не сделать глупость.

Я никогда не умею говорить о смерти. Слова вроде «не переживай» звучат цинично. Я не пережил, просто научился дышать дальше. Дом превратился в музей воспоминаний — запах духов, фотографии с тех времен, когда жизнь казалась бесконечной.

— К счастью, у меня сильная команда, — продолжаю ровно, возвращая разговор к чему-то более рациональному. — Компания держится, даже без моего постоянного участия. Но появились дела, которые требуют моего личного присутствия, вот я и вернулся.

Элина постепенно берет себя в руки. Ее взгляд непроизвольно падает на бутылку в моей руке, и я протягиваю ей вторую. Наши пальцы соприкасаются — и вздрагивают словно от короткого разряда. Я отступаю, опираюсь о кухонную стойку.

— Спасибо, — шепчет она и делает глоток. Я невольно следую за движением ее горла, за тем, как губы прижимаются к бутылке, и спохватываюсь, резко моргнув.

— Мои мальчишки скоро вернутся от бабушки с дедом, — продолжаю. — А один в том доме я... не могу. Слишком тяжело. Я рассказал Константину, что хочу побыть здесь, он предложил остаться в его квартире, пока ребята не приедут.

— А потом появилась я, — тихо говорит Элина и делает еще глоток. Я смотрю, как она облизывает губы — едва, машинально, — и отвожу взгляд, чувствуя, как внутри что-то дрожит.

Что вообще со мной происходит?..

— Я уйду, — говорю наконец. — Найду другое место, а ты можешь...

— Нет, — перебивает она мгновенно. — Глупости. Уже вечер, солнце почти село. Да и ты, похоже, устроился здесь вполне по-домашнему. Оставайся.

Я почему-то ожидал, что затем она скажет, что сама уйдет. Но нет — просто смотрит.

— Почему ты здесь? — спрашиваю. Мой голос звучит глухо; я осознаю, что вечерняя темнота почти поглотила комнату. Цвета растворились, и теперь над раковиной горит единственная лампа, выхватывающая силуэт Элины.

Свет делает ткань ее блузки почти прозрачной. Сквозь нее проступает линия кружевного белья, мягкий контур груди. Я отворачиваюсь, медленно втягивая воздух, когда она глубоко дышит — словно тоже ищет равновесие.

— Я совершила глупость, — говорит она наконец. — Рано вернулась с работы. И застала своего жениха и подругу — ну, ту, что должна была быть свидетельницей, — за очень серьезным разговором.

— Разговором? — уточняю, чувствуя, как что-то опускается в животе тяжелым грузом.

— С языками, — она горько усмехается.

— Ну и дела... — слова срываются прежде, чем я успеваю остановить себя. Возмущение поднимается слишком резко, и я уже делаю шаг вперед, оставляя бутылку с водой позади. — Это правда?

Элина чуть отшатывается, будто не ожидала, что я вообще отреагирую, и кивком подтверждает: — Да. Я... — выдыхает устало. Я вижу, как дыхание сбивается, и тянусь ближе, но не решаюсь дотронуться. — Просто не знаю, как с этим справиться.

— Почему ты сказала, что *совершила глупость*, вернувшись домой рано? — тихо спрашиваю. — Почему обвиняешь себя?

Она поднимает на меня глаза — и они мгновенно наполняются слезами. Пытается моргнуть, прогнать, но капли уже прокладывают дорожки по щекам.

— Арсений... — произносит мое имя как просьбу. Ее голос ломкий, словно вот-вот сорвется. — Что я сделала не так?..

Я поднимаю руку и осторожно касаюсь ее лица — ладонью к щеке, большим пальцем ловлю слезу.

— Сам себе задаю этот вопрос каждый день, — шепчу. Не собирался, но произношу вслух.

Она кладет ладонь мне на грудь, прямо на сердце. Я чувствую — стук ускорился. И смотрю, как в ее взгляде тонет боль, уступая место чему-то другому. Ожиданию.

Я не видел этот взгляд уже давно. И почти забыл, как он пробивает мою броню. Не хочу этого чувства. Не хочу, чтобы она смотрела на меня так, как она когда-то смотрела на него. И не хочу вспоминать предательство, одиночество, усталость.

— Элина... — произношу ее имя тихо, почти как предупреждение. Пытаюсь отступить, вернуть границы, но вдруг понимаю: я устал от этого вечного самоконтроля. Устал быть сильным, рассудительным, одиноким. Разве нельзя просто позволить себе жить, хоть на миг? Пусть даже ошибиться.

Я вижу колебание в ее глазах — и то, как оно исчезает в следующее мгновение. Будто она сделала выбор. Сожгла мосты.

— Я мечтала поцеловать тебя, — шепчет она.

Моя ладонь соскальзывает с ее щеки на шею, где под пальцами ощущается тихая, быстрая пульсация.

— Мечтала? — произношу, чувствуя, как под ребрами сжимает. Я это знал. Но услышать — другое дело.

— Да... — она бросает взгляд на мои губы, и я невольно размыкаю их, вбирая короткий, неровный вдох. Большой палец медленно скользит вниз, по линии ее горла.

Это ошибка. Без сомнений.

— И что я должен ответить на такое? — бормочу.

Она чуть улыбается, едва поднимает подбородок.

— Ничего, — тихо говорит. — Я просто хочу проверить, правда ли все так, как я представляла.

Боже мой...

Моя ладонь будто живет своей жизнью — я чувствую ее кожу, тепло под пальцами, линию шеи. Большим пальцем поддеваю подбородок девушки, заставляя чуть-чуть поднять лицо. Где-то в глубине сознания мигают сигналы: *остановись, не нужно*, но все это рушится, когда ее рука ложится мне на затылок.

Я наклоняюсь и касаюсь ее губ. Осторожно, почти вопросительно. Она выдыхает — тихо, как будто пробует звук. — Не так, — шепчет.

Я улыбаюсь краем губ. — А как же?

— Так, будто хочешь узнать, какая я на вкус.

Мысли проваливаются. Я теряю остатки разума и прижимаюсь к ней снова. Теперь по-настоящему. Ее грудь мягко упирается в меня, губы раскрываются навстречу. Мы оба словно захвачены этим движением, которое тянется и углубляется — дыхание, язык, легкое соприкосновение, уже не поцелуй, а признание, в котором нет слов.

Ее нога скользит вверх вдоль моего бедра, и я обхватываю ее за талию. Кожа под тонкой тканью теплая, живая; юбка сдвигается выше. Пальцы находят ее бок, шелковистое кружево под кончиками пальцев. На миг во мне вспыхивает осознание: это дочь моего друга, — и, возможно, я все разрушу.

Но Элина прижимается крепче, и этого достаточно, чтобы я перестал думать.

Мы теряем осторожность. Ее пальцы скользят по пуговицам моей рубашки, и дыхание становится короткими всплесками. Моя ладонь блуждает по ее спине, чувствует, как поднимается грудная клетка, как напрягаются мышцы. Ее тело откликается, как будто знает меня давно.

Она дышит мне в губы:

— Только один раз... просто почувствовать тебя.

Слова проходят сквозь меня, и я хватаю Элину за запястье, стараясь остановить, а потом... позволяю, не в силах сделать иначе. Чем ближе она становится, тем сильнее желание сжимает мне горло. Все остальное — мгновения. Ее волосы в моих пальцах, ее кожа под ладонями, наше дыхание, сливающееся в одно. Она обвивает меня ногами, и я притягиваю ее,

чувствуя, как тело ищет продолжение движения. Страсть превращается в голод, почти боль, и я позволяю этому случиться, не в силах держать дистанцию.

Мир исчезает — остается только прикосновение, вкус, тепло кожи, звуки дыхания, в которых растворяется все остальное.

— Элина... — мой голос хриплый, тяжелый от напряжения, когда я делаю шаг вперед. Наши тела почти соприкасаются, но я останавливаюсь на грани, едва касаясь ее бедра.

Она шепчет у самого уха, дыхание горячее, сбивчивое:

— Все в порядке... Я предохраняюсь.

Ее губы цепляют мою челюсть, и я чувствую, как она дрожит. Это дрожь ожидания, не страха.

Я смотрю ей в лицо.

— Скажи это еще раз.

— Пожалуйста, Арсений... — и в ее голосе все — просьба, признание, вызов.

Стоит ей произнести мое имя — и я поддаюсь. В одно мгновение, между нами, больше не остается расстояния. Элина захватывает меня, теплая, требовательная; мышцы ее бедер напрягаются в моих ладонях, когда я вхожу, медленно, глубоко, позволяя ей привыкнуть.

Ее руки обвиваются вокруг моей шеи — сильнее, чем я ожидал. Она тянет меня ближе, пока наши лбы не соприкасаются. Дышим в унисон — коротко, прерывисто.

Я начинаю двигаться почти осторожно, но она отвечает движением, сама задает ритм, и осторожность растворяется в пульсации, сквозь которую слышно только ее дыхание и удары сердца.

Ее тело подается навстречу, горячее, гибкое, будто само ищет тот самый ритм, где боль и наслаждение сливаются. Я беру ее за талию, притягиваю на край, и с каждым толчком слышу, как в воздухе меняется звук — глухой, плотный, обволакивающий.

— Арсений... — выдыхает она, и я чувствую, как она теряет контроль. Ее пальцы сжимают мои плечи, ногти оставляют следы.

Элина выгибается, и я едва успеваю поймать ее, когда волна проходит через все ее тело — короткий стон, нарушенный вдох. Я дотрагиваюсь губами до ее шеи — ощущаю, как ее пульс все еще бешено бьется под кожей.

Мир вокруг будто стирается; остаются только наши тела, сбивчивое дыхание и странное, тихое знание — утро все равно придет, но сейчас оно где-то очень далеко.

Глава 3

Элина

Шесть утра. Я вхожу на кухню, привлеченная запахом свежего кофе, и сразу чувствую тонкие ноты парфюма Арсения. Они будто струятся в воздухе, вызывая внизу живота приятные ощущения, пробуждая воспоминания о прошлом вечере. Арсений уже одет — темные брюки, серая рубашка, застегнутая до самого воротника. Элегантно. Сдержанно. Но странно — серый цвет глушит оттенок его глаз, тех самых, в которых когда-то пряталась мягкость.

Он поднимает на меня глаза. На секунду в его лице мелькает все сразу: притяжение, сожаление, холодное, строгое самообладание. Я почти вижу, как он выстраивает стену между нами — ровную, аккуратную, без единой трещины.

КОДОВОЕ СЛОВО: КАСАНИЕ

— Доброе утро, — произношу сдержанно, по-взрослому. Ни намек на вчерашнее.

— Утро, — отвечает он. Голос низкий, но не теплый. И моя рука чуть дрожит, когда я тянусь за кружкой. Кажется, он злится?

— Хорошо спал? — выдыхаю, лишь бы что-то сказать.

Слышу его шаги. Полированный каблук отзывается тихим щелчком по каменному полу. Арсений подходит ближе и, даже не касаясь, наполняет собой пространство за моей спиной.

— Элина, — произносит он, будто пробуя имя на вкус.

Я поворачиваюсь. — Да?

Он колеблется, затем медленно кладет руку на дверцу шкафа, закрывая ее надо мной. Его голос звучит глухо: — Один раз.

Я сглатываю, пытаюсь заглушить внутренний хаос.

— Запомнится надолго, — отвечаю спокойно, чуть улыбаясь. Его губы едва дрожат в подобии усмешки, но это тепло быстро исчезает. Маска делового человека возвращается на лицо.

— Мне нужно ехать. Сегодня много встреч, — говорит он, отступая, не касаясь меня. Пустота, оставшаяся после его тепла, кажется особенно резкой. — Я снял жилье в другом месте. Так что у тебя будет полная свобода... — он запинается, словно не может произнести «отцовской квартиры». — В этой квартире.

— Отлично, — киваю, но это ложь. Не отлично. Вчерашняя близость оставила странное, острое чувство неудовлетворенности. Не телесной, а будто я прикоснулась к чему-то неуловимому.

И поскольку Арсений выбрал холодность, я отвечаю тем же.

— Давай просто забудем. Ни слова, ни намек, ничего. Считай, что это был сон.

Он молчит, потом кивает.

— Для всех, кому это может причинить боль, — соглашается он.

Он думает о моем отце. Конечно. И винить его не за что.

Я молча смотрю, как Арсений берет чемодан и папку, перекидывает ремень через плечо. Перед выходом он останавливается.

— Рад был увидеть тебя, Элина, — говорит он.

Я прикусываю язык, чтобы не выдать себя, и улыбаюсь:

— И я тебя, Арсений.

Коротко, почтительно, профессионально.

Холодный финал горячей ночи.

Утром я выхожу из дома, но вместо пробежки направляюсь к офису. Лифт, как всегда, плавно открывает двери, и я чувствую тревогу. Улыбаюсь охране, провожу картой и захожу внутрь. Можно было бы подняться по лестнице, но я решаю поехать на лифте.

Каждый этаж приносит новые запахи: кофе, несвежей еды, пластика. Когда лифт останавливается, я почти не замечаю своих рук. Внезапно слышу голос начальницы:

— Доброе утро, Элина!

Это Марина, аккуратная, собранная, с внимательным взглядом. Она пристально смотрит на меня:

— Всё в порядке? Ты побледнела.

Я делаю вдох, плечи опускаются, я натягиваю улыбку:

— Я как раз шла к вам.

Марина склоняет голову, размышляя, есть ли у неё время, и машет рукой:

— Проходи. Что у нас сегодня? Готовишься к отпуску?

Я прочищаю горло и захожу в кабинет.

— На самом деле, отпуск мне больше не понадобится.

Марина резко поднимает глаза:

— Не понадобится?

— Свадьба отменяется. Так что буду работать в обычном режиме.

Она делает паузу, руки лежат на чистых листах:

— Понятно. Хотя для нас это даже к лучшему.

Я стараюсь не морщиться:

— Да?

— Ты же брала две недели отпуска, и я не могла поставить тебя на новый проект, — говорит Марина слегка укоризненно. — «Нексус» обратились за поддержкой в переговорах. Хотела сообщить им, что мой старший аналитик и стратег по корпоративной репутации будет недоступен по личным обстоятельствам. Но теперь, раз ты свободна...

Последние слова — не вопрос. Я чувствую облегчение, а не обиду.

— Я с радостью возьмусь за проект, Марина, — отвечаю я.

Начальница подаёт мне папку, пристально всматриваясь:

— Уверена? Справишься?

Я натягиваю улыбку:

— Я справляюсь со всем, что вы поручаете.

Её взгляд задерживается на мгновение дольше, чем нужно. Я понимаю: она беспокоится не обо мне, а о компании и репутации. Я не поставлю под угрозу карьеру ради мужчины. Никогда.

— Отлично. Приступай сразу, — говорит Марина. — В папке — краткая справка и список компаний, участвующих в сделке. Советую изучить обе стороны досконально, прежде чем включаться в переговоры.

Выхожу из кабинета, не останавливаясь у кофемашины. Внутри всё дрожит, будто я замёрзла. За своим рабочим столом кладу папку, включаю компьютер, но вижу фото с Кириллом. Как мы так быстро разошлись?

Звук входящего письма возвращает к реальности. Нет слёз. Вчера я уже позволила себе слабость. Работа — лучшая терапия. Открываю папку и замираю. Это он — Арсений Елисеев, директор компании «Нексус».

— Этого не может быть, — шепчу я, поднося лист ближе. Но это он.

Как теперь идти к Марине и просить заменить проект? Это будет выглядеть как бегство. А я не сбегаю.

— Ну что ж, — шепчу я, опускаясь на стул. — Он уже занимался мной. Так почему бы теперь не сделать это официально?

Из груди вырывается нервный смех.

— Отработал и подписал контракт, — язвит внутренний голос. Я прячу лицо в ладонях.

Придётся смотреть ему в глаза, притворяться, будто не знаю его.

— Арсений Елисеев — просто клиент, — повторяю я, будто заклинание. — Всего лишь имя в папке.

Ни одно заклинание не заставит в это поверить.

Глава 4

Арсений

Я моргаю, прогоняя из головы упрямые воспоминания о ночи — как теплые тени медленно проникают в мысли, мешая сосредоточиться. И снова накрывает жаром, сладким и мучительным. Жалею. О, я жалею столь о многом... Но сильнее всего — что не позволил себе насладиться.

Я думал, все под контролем. Убедил себя. А в итоге — потерял самообладание, повел себя как парень, которому впервые позволили подойти слишком близко. Все слишком торопливо, слишком нетерпеливо, без той зрелой сдержанности, на которую привык опираться. Забавно: я ведь взрослый человек. У меня есть бизнес, репутация, ответственность. И теперь у меня есть тайна, которую придется скрывать даже от лучшего друга.

Перед глазами всплывает лицо Константина. Он еще на конференции, но пишет почти каждый день — спрашивает, как я держусь после смерти Кристины. Настоящий друг. И вот теперь я должен смотреть ему в глаза, зная, что вчера спал с его дочерью.

Экран передо мной гаснет уже в четвертый раз за час. Откидываюсь в кресле, поворачиваюсь к окнам. Город раскинулся внизу, тридцать этажей подо мной. Огни отражаются в стекле, как золото на холодном металле. Это — мой результат, мой мир, мой контроль. В нем нет места слабости.

В дверь тихо стучат. Я бросаю взгляд на расписание. Да, через минуту встреча с представителем «Разумных технологий» по предложению «Нексуса». Прекрасно. Рабочее отвлечение.

— Войдите, — говорю, поднимаясь. Провожу ладонью по рубашке, привычным движением возвращая себе деловую собранность.

Дверь открывается. Сначала слышу шаги — четкие, уверенные, каблуки, касающиеся плитки, чуть глуше на ковре. В голове мелькает смутная мысль: репутационный проект, скорее всего, пришлют женщину. И действительно — тонкий, профессиональный аромат, светлые брюки, строгая белая рубашка.

— Арсений Игоревич, — произносит женский голос.

И я замираю, даже не сразу поднимая глаза. От шеи — узкая линия кожи, небольшая тень у ключицы. След, который я помню. А потом — взгляд. Серо-ореховый. Мне не хватает воздуха.

— Меня зовут Элина Холодова, — говорит она ровно, по-деловому. — Старший аналитик и стратег компании «Разумные технологии». Мне сообщили, что вы заинтересованы в нашем сопровождении.

Улыбка у нее безупречная. Голос — спокойный, чистый. Ни малейшего намека. А я с трудом нахожу слова. Только киваю, как автомат. Неужели это действительно происходит? Она подходит ближе, протягивает руку. Я замечаю в дверях секретаршу Нору, следящую за порядком встречи. Не сводя глаз с Элины, я беру ее ладонь. Касаюсь. И чувствую, как ладонь мгновенно напрягается, будто тело вспоминает все, что между нами произошло, раньше головы.

— Приятно познакомиться, — произношу с привычной легкостью, — госпожа Холодова.

— Просто Элина, — коротко отвечает она, взгляд ни на секунду не дрогнул.

— Элина, — повторяю тихо. Нора уже понимает, что ей здесь делать нечего. — Спасибо, можешь идти, — добавляю не глядя.

Дверь мягко закрывается. Тишина. Остаемся вдвоем.

Я ожидаю, что она хоть как-то обозначит вчерашнее — взглядом, словом. Но нет. Она спокойно ставит портфель у кресла напротив, садится, открывает ноутбук и складывает руки на коленях. Ни смущения, ни дрожи в голосе. Совершенно чужая женщина.

Я какое-то время остаюсь стоять, потом тоже сажусь. От Элины исходит едва уловимый аромат — легкий, свежий и при этом знакомый до боли. Пытаюсь вспомнить, в чем она была вчера вечером, — и вместо этого вижу лишь ее лицо, когда вжимал ее в край отцовской кухни.

— Я знаю, что вы сообщили моему руководству о сжатых сроках по сделке с «Ромеро», — ее голос звучит спокойно, уверенно. — Простите, что не смогла подключиться еще вчера, но...

— Что это? — перебиваю ее, даже не пытаюсь сделать вид, что слушаю.

— Что «это»? — поднимает на меня глаза. На губах — безупречно вежливая улыбка. Во мне вспыхивает раздражение: *как она может быть такой спокойной?*

— Зачем ты здесь? — уточняю. Это не может быть простым совпадением. Мир не настолько маленький.

— Вы запросили услуги нашей компании, — без тени смущения отвечает она. — Я представляю «Разумные технологии».

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Она чуть склоняет голову, и прядь каштановых волос соскальзывает на плечо. — Боюсь, нет, Арсений.

— Арсений Игоревич, — поправляю хмуро.

Она вздыхает едва заметно: — Хорошо. Арсений Игоревич.

Мне не нравится, как это звучит в ее устах — слишком ровно, будто между нами никогда не было ничего, кроме делового протокола. Я сжимаю челюсть, напоминая себе, что сейчас, по сути, она мой внешний сотрудник. И я обязан держать лицо.

— Ты знала, кто я, вчера?

В ее взгляде мелькает тень улыбки. — Тебя — да. Но понятия не имела, что утром зайду в офис и получу папку с твоей фотографией. И уж точно не знала, что ты владеешь «Нексус». В последний раз, когда о тебе слышала, ты был генеральным директором в «Елисеев Групп».

Я стараюсь не реагировать на легкую усмешку в ее голосе. Элина оглядывает кабинет — задерживает взгляд на панорамных окнах за моей спиной, на логотипе компании на стене.

— Значит, это всего лишь случайность?

Она снова переводит глаза на меня.

— Ты согласишься, если я скажу, что да? — в голосе проступает нетерпение, и, к своему удивлению, я нахожу даже это притягательным.

— Попроси, чтобы тебя перевели на другой проект, — бросаю, почти импульсивно. Потому что не представляю, как выдерживать ее присутствие каждый день.

Ее бровь едва заметно дергается.

— Не могу, Арсений Игоревич. Клиенты уже распределены. Если вы хотите сотрудничать с нашей компанией по этой сделке, придется проявить профессионализм.

Я молчу, чувствуя, как мои же слова разворачиваются против меня. — Похоже, теперь мы оба сдаем один и тот же экзамен.

Я коротко усмехаюсь, чувствуя, как вспыхивает раздражение. Она всегда была такой острой на язык? Пальцы невольно сжимаются на подлокотнике кресла, но я заставляю себя расслабиться. В моем кабинете мне обычно не возражают. Но, если быть честным, она не переходит границ — всего лишь отстаивает свою позицию. Я сам задал правила — «профессионализм, будто ничего не было», — и сейчас именно она их придерживается лучше, чем я.

— Ладно, — улыбаюсь холодно. — Мне нужна «Ромеро», и, как ты сама сказала, ты подключилась к процессу поздно. Мы уже сформировали стратегию — надавить на них. Дать понять, что, если они не ускорят сделку, рискуют потерять все.

Элина поднимает портфель и вытаскивает оттуда папку. Вместо того чтобы открыть ее, кладет на край моего стола и пододвигает двумя пальцами.

— Я не знаю всех ваших мотивов, но понимаю, что вам важно время. Однако поглощение — это в принципе не быстрый процесс. И попытка продавить «Ромеро» жестко, вынуждая их торопиться, с высокой вероятностью обернется против вас.

Я приподнимаю бровь, раскрывая папку:

— Почему ты так считаешь?

Это далеко не первая моя сделка. «Нексус» уже успел проглотить пару компаний ранее.

— Сейчас все решает публичное поле, — спокойно объясняет она. — На месте «Ромеро» я бы вынесла историю в медиапространство. Рассказала бы о себе как о компании, которой не дают времени на адаптацию, и стала бы искать союзников. В интернете слишком много ушей, Арсений Игоревич. Они могут вызвать волну сочувствия, привлечь внимание другой корпорации с более выгодными условиями. И тогда ваша сделка рухнет.

Я не смотрю на нее, читаю тезисы, которые она уже прописала в документе. Раздражение постепенно отступает, уступая место вниманию. Она мыслит системно.

— И что ты предлагаешь?

— Ищите общую площадку, — отвечает она. — Станьте для них тем самым «понимающим партнером», чтобы им не пришлось его искать на стороне.

— Мягкий подход? — уточняю. — Ситуация, где каждый следующий объект поглощения будет рассчитывать, что с ним тоже будут нянчиться? — Закрываю папку и кладу на стол.

— Стратегия понятна...

Элина чуть улыбается:

— Благодарю, я...

— Но это не тот путь, на который я готов встать сейчас, — перебиваю.

Мне интересно наблюдать, как меняется ее лицо: улыбка гаснет, между бровей появляется знакомая морщинка — та самая упрямая складка, что я помню по юности, — а потом на лице опускается маска вежливой отстраненности.

— Хорошо. Перестроимся, — невозмутимо говорит она.

Забирает папку обратно — и, к моему удивлению, кладет на стол другую.

— Здесь — стартовые наброски PR-стратегии под ваш жесткий сценарий. Если вы хотите играть в силовое давление, «Разумные технологии» помогут вам отыграть эту партию, Арсений Игоревич.

Я вдруг отчетливо ощущаю, как во мне снова вспыхивает желание.
 Дело не только в том, что я видел ее вчера голой. Она умна. Умнее, чем я думал. И в ней есть деловая хватка. Я ожидал увидеть опущенные плечи, попытку убедить меня еще раз. Вместо этого она адаптируется под мой курс, не ломаясь, — подстраивается, но не прогибается.

Провожу языком по зубам, разглядывая ее. Потом наклоняюсь вперед и протягиваю руку:
 — Буду рад работать с тобой над этим проектом.

Это лишь наполовину ложь.

Генеральный директор Арсений Елисеев действительно хочет увидеть, на что способна старший аналитик Элина Холодова. Мужчина, который помнит ее тело, с трудом удерживает себя от того, чтобы снова представить ее на кухонной столешнице.

Ее пальцы проскальзывают в мою ладонь. Пожатие ровное, уверенное, взгляд прямой.

— Уверена, сотрудничество будет плодотворным, Арсений Игоревич, — произносит она деловым тоном, но в то же время будто заключает сделку с дьяволом.

И в этот момент я понимаю: выскочить из этой истории быстро и без потерь уже точно не получится.

Имя Константина Холодова загорается на экране телефона уже второй раз за вечер. Аппарат лежит на колене, я кручу его ребром, глядя, как мигает подсветка.

Это явно не срочно: между первым и вторым звонком прошел почти час, ни сообщения, ни напоминания.

Когда он звонил в первый раз, я как раз заходил в номер отеля, и мне не хватило смелости ответить. Без рюмки чего-нибудь крепкого я этот разговор не выдержу. Теперь, когда бокал коньяка почти опустел, я понимаю: вряд ли существует достаточное количество алкоголя, чтобы сделать эту беседу легче.

— Да будь что будет, — вполголоса выдыхаю и жму на прием. — Алло.

— Привет, Арсений. Как ты там? — из трубки доносится гул — Константин явно где-то на мероприятии, и это почему-то одновременно и облегчает, и раздражает. Облегчает, потому что он, возможно, не полезет глубоко. Раздражает, потому что явно уже что-то знает и пытается подвести меня к признанию.

«Мы вроде уже не студенты», — хочется сказать. Если есть вопросы — задавай прямо.

— Нормально, — отвечаю, крутя бокал, наблюдая, как янтарная жидкость лениво стекает по стеклу. — Как конференция?

— Неплохо, насыщенно, — шум на фоне постепенно стихает, и я сглатываю: похоже, он вышел в более тихое место. — Элина сказала, что на вчерашнюю ночь подселилась к тебе в пентхаус.

— Для нас обоих это был сюрприз, — произношу как можно спокойнее и делаю глоток, будто он может смыть ощущение вины. — Мир тесен. Она, кстати, сегодня еще и в моем районе «случайно» всплыла — уже по работе.

Я специально делаю голос легче, пытаюсь спрятать под этим нервозность.

— «Разумные технологии» — хорошая фирма. — Константин, кажется, кивает даже в трубку. — Она у них уже лет пять, если не ошибаюсь. Думаю, вы будете довольны.

«Я уже был более чем доволен», — ехидно отзывается внутренний голос. Я ставлю бокал на стол чуть сильнее, чем нужно. На сегодня коньяка.

— Она толковая, — говорю честно. — Не удивлен, что ее держат.

Ее голова работает так же четко, как и все остальное. Я прочищаю горло:

— В общем, это все равно твоя квартира, так что я переселился в отель. Спасибо за приглашение, но... ей сейчас это пространство нужнее.

Константин какое-то время молчит. Потом говорит уже другим, более напряженным тоном:

— Она и правда умная, Арсений. Даже, сказал бы, слегка не твоего уровня, — бросает вроде бы шутя, но я внутренне вздрагиваю.

Что ты услышал в моем голосе, старик? Восхищение? Желание?

Провожу ладонью по лицу и заставляю себя рассмеяться:

— Не спорю. Поэтому мне и пришлось нанимать сторонних специалистов по PR и корпоративной репутации. Сам бы не вытянул.

Константин тоже смеется, и напряжение в его голосе чуть ослабевает.

— Она тебя в порядок приведет. Только сильно не гоняй ее. Ей сейчас тяжело.

— Ты же меня знаешь, Константин, — говорю ровно. — Сплошной профессионализм.

Он меня убьет, когда узнает.

Глава 5

Элина

Чуму, наверное, было бы проще обойти, чем Арсения в офисе. За последние дни я отточила целое искусство уклонения: брифинги — только его команде, бумаги — через секретаря, а все ключевые файлы в конце дня передает ему Нора, удивительно теплая женщина лет шестидесяти с серебряными волосами и улыбкой, до боли похожей на мамину. Но любая удача кончается, и моя тихая идиллия «работа вместо жизни» разбилась о реальность этой сделки.

Больше нечего презентовать его сотрудникам. Больше нечего отдавать через Нору, как записки в детской игре. Есть только одно — его сообщение. Четкое, деловое: надо встретиться лично. Сроки горят, стратегия — на стыке юриспруденции, финансов и репутационных рисков, все нужно перепроверить, обсудить и перевести в конкретный план, который совпадет с его манерой ведения переговоров и не сведет меня с ума от его упрямства.

— Никогда не встречайся со своими кумирами, — бурчу себе под нос, выбираясь из такси у его дома.

Уже вечер, солнце только начинает клониться к горизонту. Четыре чашки кофе за день отдают дрожью в руках и пульсом в висках. Я стою у его идеального, выложенного кирпичом подъезда и слегка кружусь от смеси кофеина и впечатления.

Арсений живет в настоящем особняке — что-то вроде модернизированной «петербургской викторианской мечты»: высокий фасад, одна сторона с двумя этажами широких окон-эркеров, уютное крыльцо, куда более гостеприимное, чем сам хозяин.

Мельком думаю, не жена ли выбирала этот дом, пока иду по дорожке, вдыхая запах идеально подстриженных кустов и цветов вдоль проезда. Провожу пальцами по лиловым и белым лепесткам, пытаюсь вытащить из этого касания хоть щепотку внутреннего спокойствия. Сердце все равно стучит слишком громко.

Встречаться с руководителем у него дома после работы — не самый профессиональный сценарий, но я на окладе, а он прислал просьбу поздно днем, да еще и с логичным обоснованием: вечером к нему возвращаются сыновья от бабушки с дедушкой, и он хочет встретить их сам, а не перекладывать это на няню.

Когда я читала сообщение, невольно представила, чего ему стоило его написать — сколько гордости пришлось проглотить. И, насколько бы упрямой ни была, я не стала заламывать руки из-за формальностей. Времени заехать домой за машиной уже не было, так что вот я, на «Яндексе» у его подъездной дорожки. Берусь за перила, поднимаюсь на крыльцо, тянусь к мягко светящейся кнопке звонка. Внутри раздается негромкий, приятный перезвон. Дверь открывается, и на пороге появляется Арсений.

Он только что из душа: на нем свободные брюки цвета хаки и черная футболка, плотно обтягивающая плечи и грудь. Я усилием воли не позволяю себе сделать шаг назад, чтобы осмотреть его целиком, и поднимаю взгляд сразу к лицу. Почти незаметная улыбка трогает уголок губ, и сердце делает глупый скачок.

Во мне что-то болезненно сжимается от сожаления: может, я слишком усердно избегала его в офисе. Как минимум на него приятно смотреть.

— Ты опоздала, — произносит он, и тень улыбки тут же сменяется легкой хмуростью.

До тех пор, пока он не открывает рот, все выглядит прекрасно. Как я вообще могла в него влюбиться?

— Нет, не опоздала, — автоматически парирую, проходя в холл, пока Арсений отходит в сторону. Каблуки четко стучат по красиво уложенному дереву. — Если бы пришла хоть на пять минут раньше, застала бы тебя мокрым и голым.

Это детское замечание, и я прекрасно это понимаю. Весь день твержу себе про профессиональные границы, сама же первой их поддеваю. Но в нем есть что-то такое, что вырывает из меня именно такие реплики — острые, слишком честные и чуть безрассудные.

Зрачки у него чуть сужаются, губы плотно смыкаются, и в тот миг, когда я почти уверена, что он закатит глаза, он просто разворачивается и уходит по коридору, легко, крупными шагами, босиком.

Я закрываю за собой дверь и, не зная, как «правильно», все-таки снимаю туфли, аккуратно ставлю их у порога и иду следом. Взгляд сам скользит по линии его спины, широким плечам, узкой талии. Мне хочется провести ладонями по его бокам, почувствовать, как он поднимает меня, прижимает к себе, как...

Возьми себя в руки, Элина!

Я не школьница с гормональным взрывом. И точно не та, кто вернется к прошлому и спросит у собственного начальника и лучшего друга отца: «А давай сделаем наш один раз еще и вторым... и, возможно, третьим, если вдруг снова не надышусь?»

— Ты ела? — Арсений оборачивается так резко, что я едва не врезаюсь в него. Оказывается, он уже привел меня на кухню.

Кухня — как из журнала: каменная столешница, стальные глянцевые поверхности, остров с отдельной мойкой для овощей.

Я открываю рот, чтобы ответить, но из горла вырывается только:

— Вау...

— Это «да» или «нет»? — в его голосе легкая насмешка, но глаза внимательно скользят по мне, и по подрагивающей линии челюсти видно, что он тоже напряжен.

— Да, — быстро выдаю я. И в тот же момент желудок предательски бурчит. — Обедала пару часов назад.

Он переводит взгляд на часы на плите, потом снова на меня:

— Семь часов назад. — Открывает холодильник. — Пасту любишь?

— Да, — на этот раз отвечаю чуть спокойнее, проводя ладонью по гладкой поверхности острова. Очень стараюсь не заглядывать в холодильник. По содержимому холодильника и аптечки можно узнать о человеке слишком много, а я не уверена, что хочу знать о нем больше. — Не хочу тебя утруждать.

Он чуть приподнимает бровь, смотрит на меня через плечо. Небрежно выбившаяся прядь седых волос падает ему на лоб, и у меня на секунду возникает уверенность, что он скажет что-нибудь в духе: «слишком поздно». Но он лишь замолкает, достает контейнер с готовой едой и ставит его в микроволновку.

— Кто-то готовит для тебя? — я облакачиваюсь на край стойки, сумка соскальзывает к плитке у моих ног.

— Предпочитаю готовить сам, — сухо отвечает он. — Иногда няня что-то делает для мальчишек, но по воскресеньям я все продумываю на неделю.

Он говорит, стоя ко мне спиной, напряженный, будто я нарушаю границы, даже оставаясь по эту сторону острова.

— Это она приготовила, пока меня не было. — Легкий жест в пространство кухни. — Уборка — за сервисом, приходят пару раз в неделю.

— Дом большой, — замечаю рассеянно и тут же мысленно морщусь. Именно потому он и съезжал к отцу — не выдерживал одиночества в этих стенах. И вот теперь я стою здесь, чужая женщина, с которой он переспал, — в доме, где когда-то жила его жена.

— Большой, — тихо подтверждает он.

Я даже не представляю, с какого конца начать разматывать весь этот клубок — дом, воспоминания, его жена, наши «один раз» и рабочий контракт поверх всего этого. Поэтому не начинаю. Просто подбираю сумку, выпрямляюсь и прочищаю горло. Если не трогать ничего

лишнего и говорить только о проекте, может быть, ему станет легче дышать в собственном доме.

— Арсений Игоревич... — начинаю я, и он тут же оборачивается, приподнимая бровь.

— Что? — спрашивает, и я сама себя обрываю.

— Ты же сам сказал, чтобы я обращалась к тебе... — раздраженно машу рукой.

— Элина, — произносит он мое имя так, что внутри становится теплее. В этом звуке — и знакомый с детства мягкий тембр мужчины, которого я боготворила, и нынешний начальник, которого довожу до белого каления одним своим присутствием. И откуда-то из глубины поднимается темная мысль: а что, если бы он снял это раздражение с меня руками, а не словами?..

— Арсений, — сдаюсь я, и успеваю заметить, как темнеют его глаза, прежде чем он отворачивается к микроволновке, которая подает сигнал.

— Я разложу материал на столе в столовой, не против? — спрашиваю уже на ходу.

— На кухне, — спокойно поправляет он. — Столовая для больших компаний.

Он кивает на противоположный угол кухни. Там стоит компактный стол из темного дерева с четырьмя широкими стульями. Я направляюсь туда, ставлю ноутбук, опираясь бедром о край, вытаскиваю папки.

Не успеваю вздрогнуть, как он бесшумно оказывается рядом, протягивая мне миску с простой на вид пастой, которая пахнет так, будто ее принесли из хорошего ресторана.

— Спасибо, — ставлю тарелку рядом с ноутбуком. Он кладет вилку и салфетку, сам садится напротив. Только сейчас замечаю, что его ноутбук уже лежал на соседнем стуле — он подтягивает его и довольно резко ставит на стол, раскрывая одной крупной ладонью.

— Знаешь, у ноутбуков тоже есть чувства, — не удерживаюсь от шутки.

Он просто смотрит. Без улыбки. Когда-то он считал меня смешной.

«А потом ты с ним переспала», — ехидно напоминает мозг. Я прочищаю горло.

— Итак, по проверке партнеров я...

— Сначала поешь, — перебивает он, поднимая вилку. — Думается лучше, когда не голоден.

Я послушно киваю, берусь за вилку и пробую. Это правда вкусно. Но в голове крутится только его фраза — «когда не голоден». Проблема в том, что голодна я совсем не по еде. И именно поэтому мозг работает от силы наполовину. Я мечтаю о том дне, когда эта сделка наконец закроется.

Мы ужинаем, одновременно говорим о работе и не замечаем, как за окнами темнеет. При всем упорстве Арсения я замечаю, как каждые пятнадцать минут он переводит взгляд на часы. Он ждет сыновей, и это почему-то трогает, как бы мы ни спорили по делу.

Я хожу по кухне, пытаюсь разогнать раздражение движением, но усталость копится и терпение тает. Его челюсть сжата, взгляд упрямый — от этого меня так и тянет встряхнуть его.

— Арсений, я говорю тебе: если пойдешь по этому пути, они встанут в позу, — в конце концов не выдерживаю, бросая папку рядом с ноутбуком. — Пожалуйста, прими во внимание, что я этим зарабатываю на жизнь, и ты ведешь себя...

— Веду себя как? — он поднимается как раз в тот момент, когда я прохожу мимо, и мое плечо почти задевает его.

Мне не нравится ощущать себя ниже ростом, но это не страх, а злость, которая только сильнее подталкивает поднять голову.

— Неразумно. Ты ведешь себя неразумно, — выстреливаю, и его ореховые глаза опасно прищуриваются.

— Это я неразумен? Ты правда считаешь, что я должен водить их за руку, когда единственное, что им надо держать крепко, — это суммы, которые они получают?

— Не для всех дело только в деньгах! — парирую. — Они тоже с нуля поднимали свою компанию, как и ты. И да, у людей есть чувства, и они будут влиять на их решения.

— Это бизнес, Элина. В нем не место эмоциям, — делает шаг ближе, и я закатываю глаза.

— Мы — живые люди. Они — живые люди. Эмоции никуда не исчезают только потому, что ты спрятал свои за корпоративной маской и считаешь, что все должны вести себя так же! — я тыкаю ему пальцем в грудь, и он резко перехватывает мое запястье, дергая его в сторону.

И на секунду между нами остается не только спор, но и то самое напряжение, которое мы оба так тщетно пытаемся игнорировать.

Мы оба дышим чаще, чем нужно, его пальцы все еще сжимают мое запястье, тепло буквально впечатывается в кожу. Он смотрит сверху вниз, и в этом взгляде я не вижу злости. Вижу совсем другое — ту же самую опасную близость, что накрыла нас той ночью. Пальцы сами сворачиваются в кулак, пульс сбивается.

— Элина... — произносит он мое имя как предупреждение.

От этого голоса меня охватывает желание, и я делаю шаг к нему, свободной рукой касаясь его шеи. И тут раздается хлопок входной двери и звонкий смех двух мальчишек, мчащихся по коридору.

Арсений отшатывается на шаг назад, но не успевает отпустить мое запястье — и тянет меня за собой. Я почти врезаюсь в него боком, когда мы поворачиваемся к двери кухни. В тот же момент в комнату влетают двое темноволосых близнецов, и он тут же разжимает пальцы.

Происходит что-то чудесное: лицо Арсения раскрывается в улыбке. Настоящей, широкой. Он приседает, раскидывает руки, и мальчишки с разбега врезаются в него.

— Господи, как же я по вам скучал! — голос у него хрипловатый, переполненный чувствами.

Я тихо обхожу их по дуге, подбираю свои папки, позволяя семье побыть в своем мире. На лице тоже растягивается улыбка — невольно.

— Не дышать!..

— Пап, мы не дышим! — хором возмущаются оба, и его смех отдается теплом под кожей.

Арсений поднимается, ставит детей на пол. Два маленьких «совенка», выглядывая из-за его бедер, с янтарными глазами — копия его — уставились на меня.

— Ты кто? — спрашивает один, нахмутив нос, второй молчит, просто изучая.

Арсений чуть поворачивается и кладет ладони им на затылки, выпрямляя, разворачивая лицом ко мне:

— Не грубите.

Отец семейства смотрит на меня — в этом взгляде столько гордости и любви, что в груди тихо ноет. Я улыбаюсь сначала ему, потом — мальчишкам.

— Я — Артем, — представляется первый и протягивает руку, совершенно по-взрослому. В нем есть что-то от потерянных мальчишек из «Питера Пэна» — жест, взгляд, эта уверенность.

Я отвечаю так же серьезно:

— А я — Элина, — и пожимаю руку одним четким движением.

Он довольно улыбается и взглядывает вверх, явно ища одобрения.

— А ты? — обращаюсь к второму, протягивая ему ладонь.

— Леша... — чуть тише говорит он, но все же жмет мою руку, а потом, смутившись, прячется за отцом. Румянец тонко проступает на щеках.

— Очень приятно познакомиться, — киваю обоим. — Я работаю с вашим папой. И, к счастью для вас, он как раз закончил на сегодня.

Арсений вскидывает на меня взгляд, брови поднимаются. Мы по факту еще не закончили, но я прекрасно помню, зачем он звал меня сюда, и не собираюсь мешать ему побыть с семьей.

— Seriously? Ура! — Артем поднимает кулак в воздух, Леша просто широко улыбается.

— Как раз вовремя, чтобы я успел загнать вас в душ и уложить спать, — голос Арсения переходит в «режим папы», и я поднимаю сумку на плечо.

— Давай в прятки! — кричит Артем и уже несется из кухни.

— Одна минута на то, чтобы спрятаться, и только один раунд! — смеясь, окликает их Арсений. Потом поворачивается ко мне:

— Прости. С детьми всегда так — чистый хаос.

— Ты их любишь, — спокойно говорю я и дотрагиваюсь до его плеча.

Он кивает, глубоко выдыхая:

— Больше всего на свете. Могу закинуть их в машину и отвезти тебя домой. Уже поздно.

От его предложения внутри опять что-то мягко сворачивается. Появление сыновей будто переключило в нем тумблер: холодная броня куда-то делась, передо мной — живой мужчина, любящий отец.

Я поднимаю телефон:

— Уже вызвала такси. — На самом деле нет, но ему необязательно это знать. — Проведи с ними вечер.

Он кивает, глядя туда, где скрылись мальчишки:

— Спасибо. Увидимся завтра.

Я прикусываю нижнюю губу, киваю в ответ и выхожу из этого прекрасного дома в прохладный ночной воздух — с неожиданным теплым светом где-то под грудной клеткой.

Похоже, не такой уж он и упрямый... Точнее, упрямый, но не только.

Глава 6

Арсений

Я с усилием сжимаю пальцами переносицы, пытаюсь заставить глаза сфокусироваться на строках перед собой. В голове все еще звенят крики сыновей.

«Может, стоило оставить их у бабушки с дедушкой еще на пару недель», — мелькает мысль, и тут же накатывает стыд: эгоистично ли это?

У них там было относительно спокойно — насколько меня убеждали родители Кристины. Дом ее детства, привычные истории о маме, люди, которые понимают, как разговаривать с ребенком о потере. Я все время повторял себе, что просто учусь быть отцом в новых условиях, но правда в том, что я не справлялся.

Я не ожидал ночных кошмаров. Не ожидал истерик — и рук, вцепившихся в меня, будто им не десять, а пять. Я понимаю, что это травма, а как иначе? Но не понимаю, как ее лечить.

Меня корежит от мысли, что сегодня утром я все равно поехал в офис, хотя они вцеплялись в штанины, умоляя не уходить. Няня, Грета, уверяла, что справится, но в последний раз она оставалась с ними *до* того, как их мать погибла. Теперь у меня раскалывается голова, мысли расползаются, и все, чего я хочу, — сорваться обратно домой и просто обнять своих мальчишек.

Травму я понимаю. Столкновение с ней — тоже. Но даже подумать о том, чтобы назвать ее по имени... не могу.

— Арсений... ой, простите, Арсений Игоревич, — голос Элины прорезает туман в голове.

Я поднимаю взгляд поверх экрана и вздрагиваю — понятия не имею, сколько времени она уже стоит у стола.

— Вы в порядке? — в ее глазах чистое беспокойство.

Она обходит стол, двигаясь медленно, и вдруг, совершенно неожиданно, тянется и прикладывает ладонь ко лбу.

— Температуры нет, но вы выглядите... — она не успевает подобрать слово.

— Тяжелая ночь с мальчишками, — ворчу, и голос кажется таким же помятым, как я сам. Прочищаю горло, выпрямляюсь, отстраняюсь — и одновременно жалею, что она убрала руку. — Что тебе было нужно?

Она кидает взгляд на часы, затем снова выпрямляется, словно сама вспомнила, что, между нами, расстояние.

— Я хотела сказать, что уже обед, и спросить, будем ли работать без перерыва, или вы возьмете паузу. Но вы не ответили, и я...

— Нет, — перебиваю, качая головой. — Перерыв не нужен. Но... — запинаюсь, глядя на погасший экран и понимая, что, по сути, уже какое-то время просто сижу, ни на что не глядя. — Но можем продолжить у меня дома сегодня днем. И, возможно, до конца недели.

— Конечно, — без паузы кивает она. — Я заберу сумку и встречу вас там.

— Забери сумку, поедem вместе на машине. Нет смысла нам ехать в одно место на двух.

Она чуть мнетя:

— Тогда вам придется отвезти меня обратно.

— Ничего страшного. Ты мне и так идешь навстречу, — отвечаю. — Да и так проще, чем лавировать по пробкам колонной.

Она медленно кивает:

— Я как раз думала вызвать такси... но ладно. Встретимся на парковке.

Умно с ее стороны — не шляться рядом со мной по офису. Но наше сотрудничество никто не скрывает: я сам подписал договор, и если кто-то спросит, почему мы работаем вне офиса, скажу как есть. Ничего, кроме работы, не происходит. Только бизнес.

Я выключаю компьютер, поднимаюсь, беру ключи из ящика и кошелек. Выходя, киваю Норе — она сидит за столом, как всегда, все идеально разложено по местам.

— Обедать уезжаете? — поднимает голову Нора, уже готовая править мой календарь.

— Нет, — качаю головой. — Остаток дня поработаю из дома. Ты заканчивай свои дела и тоже ступай пораньше.

Нора тепло улыбается:

— Передавайте от меня привет мальчишкам.

— Обязательно. Хорошего дня, — отвечаю и, чуть улыбнувшись в ответ, направляюсь к лифту.

Ее фраза тоже оказывается маленькой зарубкой в памяти. Она видела моих сыновей не раз — Даля приводила их ко мне в офис, забежали на обед или просто махнуть рукой по пути куда-то еще.

Интересно, когда они появятся здесь в следующий раз...

Я отгоняю эту мысль ровно в тот момент, когда двери лифта раскрываются, и вижу, как Элина уже идет к моей машине. В шагах — легкая нервная пружинка, от которой мне хочется усмехнуться, но я лишь снимаю машину с сигнализации.

Машина у меня не роскошный представительный «седан», но давняя мальчишеская мечта — «Мустанг» — и я ее себе позволил. Когда я сажусь за руль и поворачиваю ключ, Элина буквально съезжает вниз по сиденью.

— Ты что делаешь?

— Не хочу, чтобы нас кто-нибудь увидел, — шипит она, как будто нас могут подслушать стены, и я качаю головой.

— Ведешь себя как ребенок. Мы просто уезжаем с работы вместе.

— *В твоей машине*, — подчеркивает она, словно это меняет все.

— И если кто-нибудь увидит тебя, съезжившуюся на сиденье, как школьницу, сбежавшую от родителей, вот тогда слухи точно поползут, — ворчу. — Все будут гадать, кого это генеральный прячет в салоне, и где, по их мнению, у меня голова...

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, вырывая из паркинга. Элина выпрямляется, приводя в порядок блузку с почти обиженной старательностью.

— Я не школьница, — произносит она.

— Уже нет, — невольно отрываюсь, скользнув по ней взглядом.

Она прочищает горло, явно решив сменить тему:

— Ты говорил, у мальчишек была тяжелая ночь. Что случилось?

Пальцы крепче сжимаются на руле, и я заставляю себя ослабить хватку. Она, скорее всего, спрашивает просто ради разговора. Но почему-то мне действительно хочется ответить.

— Прости, я, возможно, лезу не в свое дело, — добавляет она, когда я пару секунд молчу.

— Нет, — выдыхаю. — У них кошмары. Сначала Леша просыпается с криком, потом Артем.

Она молчит, и я продолжаю:

— Им снится, что я попадаю в аварию.

— Как их мама... — тихо договаривает она, и я лишь киваю. — Понятно, почему ночь тяжелая. Ты не хотел остаться с ними?

Я смотрю на нее и фыркаю:

— Конечно, хотел. Но у меня есть и работа. Грета с ними, сказала, что справится, но я...

— Ты переживаешь, — снова заканчивает за меня.

Я едва заметно морщусь и качаю головой:

— Они толком не разговаривают об этом. Просто просыпаются в слезах, в истерике, и так по кругу. А утром был сплошной хаос. Они не хотели меня отпускать, вцепились в ноги, вели себя... неразумно.

— Им десять, — мягко напоминает она.

Я выдыхаю:

— Им десять. И я никогда не был тем, кто их успокаивает. Это всегда делала Даля: укладывала, выключала ночник, обнимала, если снились кошмары. Я — тот, кто устанавливал правила и играл с ними в футбол во дворе. Понимаешь?

Краем глаза вижу, как она складывает руки на коленях. Легкая складка между бровей — она о чем-то думает.

— Я могу помочь? — спокойно спрашивает она.

Я действительно не ожидаю этого.

— Не знаю, — честно отвечаю. — *Можешь?*

Она пожимает плечами, поправляя ремень безопасности:

— Могу попробовать. Летом, между семестрами, я работала в детском лагере вожатой. У многих детей были кошмары, страх разлуки, тревоги — либо из головы, либо из-за того, что случилось с ними или с их семьей. Помогает проговаривание, но иногда это проще сделать не с самым близким взрослым. Ты для них — опора, и страх тебя потерять мешает им честно говорить о своих чувствах.

Я обдумываю ее слова, пока мы катимся по улице:

— Звучит логично.

И, возможно, я действительно не из тех, кому легко открыться. Как объяснить детям, что отец сам не до конца справляется? Сколько вообще ребенок должен знать о том, как тяжело родителю?

Мы сворачиваем на подъездную дорожку. Я ставлю машину на ручник и поворачиваюсь к ней, впервые за день по-настоящему всматриваясь в ее лицо.

Волосы заплетены в косу, перекинутую через плечо. Она смотрит на меня и тепло улыбается, как будто у меня все под контролем.

Я проглатываю гордость:

— Я был бы благодарен, если ты попробуешь.

Ее ореховые глаза вспыхивают живым светом:

— Не пожалеешь, Арсений.

И я не пожалел.

Она не позволила мне зайти в комнату, сказав, что при мне мальчишки зажмутся еще сильнее. Я остался на кухне с ноутбуком. Делал вид, что работаю, пока она разговаривала с ними.

Прошло полчаса, потом час. Когда сыновья спустились, глаза у них были красноватыми, но из прихожей раздавался смех. Я вдруг почувствовал такую благодарность к Элине, что у меня буквально сел голос.

Она лишь махнула мне рукой, проходя мимо кухни, беззвучно показала губами «увидимся утром» и тихо ушла.

Наверх мальчишки поднимались уже другими — усталыми, но спокойными.

— Пап, мы можем еще увидеться с Элиной? — тихо спрашивает Леша, когда я первым делом заправляю ему одеяло.

— А брат тоже хочет ее увидеть? — еще не знаю, как к этому относиться, но она уже помогла им. И как это может им навредить?

Леша кивает, пока я разглаживаю плед и провожу пальцами по его волосам.

— Я спрошу ее, — обещаю. — Люблю тебя, Леша. Постарайся сегодня хорошо выспаться.

Хочется сказать «пусть приснятся хорошие сны», но я боюсь лишний раз напомнить о плохих. Он обнимает мою руку, я наклоняюсь и обнимаю его за плечи, затем перехожу в комнату Артема.

— Я уже сам лег, — гордо сообщает он, демонстрируя аккуратно вытянутый плед.

Я присаживаюсь на край кровати:

— Вижу. Молодец. Хорошо поговорили?

— Да. Как думаешь, она может еще к нам прийти? — спрашивает он, и я сохраняю лицо спокойным.

— А ты хочешь, чтобы она пришла?

Он сначала пожимает плечами, потом действительно задумывается, будто это сложный стратегический вопрос.

— Поиграть?

Я усмехаюсь:

— Не думаешь, что она уже слишком взрослая для игр?

— Тогда... может, устроим пикник? — предлагает он.

— Спросим у нее, — киваю, наклоняясь, чтобы обнять сына. — Люблю тебя, Артем.

— И я тебя, — отзывается он почти тем же тоном. Хочется верить, что он чувствует: люблю их обоих — всем, что у меня еще осталось.

Ночью, лежа в тишине своей спальни, я слушаю ровное сопение за стенами — они спят тихо, без криков, и впервые за долгое время дом кажется не таким враждебным.

Мысли вновь возвращаются к Элине. Но теперь — не к обрывкам нашей ночи, не к телу, а к ее улыбке, спокойной уверенности, с которой она вошла в детские комнаты и сдержала обещание, что я не буду разочарован.

И я снова задаюсь вопросом: как в таком случае я смогу выкинуть эту женщину из жизни, когда наша совместная работа закончится? И как долго еще получится носить маску человека, которого волнует только бизнес?

Глава 7

Элина

Приподнятое настроение от того, что удалось помочь сыновьям Арсения, рухнуло через пару дней о суровую реальность — «Ромеро» и те проблемы, которые они нам подкинули. Наше проверочное исследование не выявило небольшой дочерней компании, которая по договору уже пользуется технологиями «Ромеро», и они об этом, естественно, не сообщили. Существующий контракт означает, что нам придется заходить в переговоры уже втроем, а сроки, и без того натянутые, ползут дальше. Сроки, которые Арсений и так терпеть не может.

Он мерит комнату шагами, будто хочет стереть пол до бетона, а я сижу за столом, сжимая ручку, и думаю не только о сделке, но и о своей репутации. Это должна была быть двухнедельная история, а теперь есть шанс, что в фирме на меня посмотрят косо.

За PR-сторону до сих пор отвечает человек, которого я ни разу не видела — некий Леонид, застрявший в родном городе из-за семейных обстоятельств. Я же полностью сфокусирована на корпоративных отношениях. И все равно кажется, что это *моя* ошибка. Не потому, что я проглядела чужой договор, а потому, что не смогла убедить Арсения: если бы это поглощение выглядело как спокойное партнерство, а не враждебный захват, «Ромеро» были бы откровеннее. Вместо этого они тянут время — и я не могу их за это осуждать. Просто очень хочется, чтобы они выбрали для саботажа *не* мой проект.

Арсений злится. Но его злость тихая. Голос становится ниже, слова — острее, но он не кричит. И, как ни странно, именно в таком виде он особенно притягателен. Куда девается вся эта энергия? Он выплескивает ее на боксерской груше в спортзале? На перекладине? Или просто заглатывает и позволяет ей раствориться?

Я следую за ним взглядом, постукивая ручкой по блокноту. Темная рубашка натягивается на плечах, когда он разворачивается, брюки сидят идеально. На нем нет ни пиджака, ни галстука — единственный мужчина в офисе, который позволяет себе просто рубашку и начищенные до блеска туфли.

По одной внешности не скажешь, что он глава компании.
 По осанке — скажешь. В том, как он держит спину, как смотрит на людей, есть та самая властная уверенность, от которой кровь становится гуще.

Я пытаюсь не давать воображению разгуляться, но запястье до сих пор будто помнит его хватку, и я ловлю себя на мысли: *если бы дети не вернулись в тот момент...*

«Ничего не должно было случиться», — одергиваю себя, выпрямляясь.
 Дело даже не только в том, что он — друг отца, старше меня на два десятка лет. Теперь он еще и мой руководитель. Если все вскроется, этот «роман» из просто неподобающего станет катастрофой для карьеры — и его, и моей. Не то чтобы сейчас вообще было что вскрывать.

Я прочищаю горло, когда он наконец отпускает остальных, и поднимаюсь, прижимая блокнот к груди. Он проводит обеими руками по седым прядям, стягивая их назад, и от напряжения вокруг взгляд становится еще более жестким. Потом поворачивается ко мне, и чайный оттенок его глаз почти обжигает.

— Что? — спрашивает. Не срывается, но близок к тому.

— Нужно вам что-нибудь принести? — вылетает у меня прежде, чем успеваю сообразить.

Он коротко фыркает:

— Ты же не мой секретарь, Элина.

И, увы, он прав. Мне не платят за кофе. Забота — это уже личное, а не профессиональное.

— Верно, вы правы, Арсений Игоревич, — поправляюсь, и на лице на мгновение мелькает досада. Может, мне показалось.

Я иду за ним из небольшой переговорной в коридор.

— Мне нужна повторная встреча с комитетом, — произносит он, не снижая шага. — Явно где-то произошел сбой в коммуникации, и мне нужно разобраться с этим до того, как эти... — он делает вдох, подбирая слово, — господа окончательно сорвут мне все сроки.

Я внутренне морщусь, достаю телефон, вызывая расписание:

— У нескольких членов комитета ближайшая неделя полностью заблокирована, так что мы... ой! — вздыхаю, врезаясь ему в спину: он резко останавливается прямо посреди коридора.

Арсений оборачивается, смотрит на меня из-под длинных ресниц:

— На *следующей* неделе?

Посланником плохих новостей быть явно невыгодно.

— Да, — подтверждаю. — Самое раннее окно — четверг следующей недели.

На его скуле дергается мышца. Он приоткрывает рот, снова его закрывает, потом глубоко втягивает воздух носом:

— Тогда ставь на четверг, — произносит так же медленно, будто любое резкое слово может сорвать предохранитель. Смотрит на часы. — Мне пора на другую встречу.

Я хмурюсь, снова поглядывая в расписание:

— У меня на сегодня больше ничего не стоит.

— Это не по «Ромеро», — бросает он уже вполоборота.

Я моргаю, потом киваю, хотя он этого уже не видит.

— Если не найдешь себе работы, возьми остаток дня за свой счет, — добавляет через плечо. — Мы сейчас на износ работаем, в ближайшие дни вряд ли удастся перевести дух.

Он сворачивает к кабинету, а я остаюсь в коридоре, немного растерянная. Странно, что он вообще берется еще за какие-то дела посреди этой бурной сделки. Еще страннее, что он предлагает мне время на себя.

Я смотрю сначала в одну сторону, потом в другую. Что вообще делают нормальные люди, когда у них неожиданно появляется свободный день? Если не работать, не есть на бегу и не спать урывками...

Телефон в руке вибрирует. Я опускаю взгляд на экран — и лицо мгновенно вспыхивает от злости.
Сообщение от Кати: «Мы можем встретиться?»

Катя. Предательница. «Подруга невесты», которая потеряла право на это звание в момент, когда зашла в лифт с моим женихом.

Хочется написать: «Нет». Пальцы зудят послать четыре года дружбы туда, где им самое место, и закрыть книгу. Но пальцы сами набирают: «Ладно».

Тревога давит под ключицами, готовая в любой момент рвануться и разнести ребра, как слон посудную лавку. То, что я зарылась в работу сразу после разговора с папой, — явно не самый здоровый способ переживать катастрофу, но это единственное, что хоть как-то держит меня на плаву. Хорошо еще, что Лида, мой свадебный организатор, смогла по кусочкам разобрать все то, что так тщательно выстраивала. Счет за это удовольствие получит Кирилл.

Друзьям я позвонила лично, остальным отписалась. Дарья, моя дорогая Даша, взяла на себя тяжесть распространения новостей дальше и дала мне передышку.

Не понимаю, почему я вообще сижу сейчас в этом кафе, вглядываюсь в дверь каждые две секунды и жду, когда бывшая подруга войдет и «объяснит». Кириллу я не дала ни единого шанса — после того как увидела их в лифте, он плелся за мной по квартире, бормоча, что это ошибка, «впервые такое», «перепил на деловой встрече в обед». Я посмотрела в его абсолютно ясные глаза и сказала, что все кончено.

С тех пор в телефоне — три десятка сообщений, по тону явно не предполагающих, что он воспринял мои слова всерьез. Да, у меня мелькала мысль продемонстрировать ему свое собственное «это был первый раз», просто чтобы увидеть, как перекосится его лицо. Но исполь-

зовать Арсения ради мелкой мести — оскорбление и его, и себя. Я не изменяла. Я нашла в себе смелость поставить точку *до* того, как кто-то другой стал для меня интересен.

И все равно мысль о том, что Катя оказалась «интереснее», ранит меня. На двери звенит колокольчик, и она входит.

Катя — красивая. С иссиня-черными волосами, темными глазами, с ямочками на щеке, появляющимися при улыбке. И она улыбается сейчас — неловко, наполовину, будто заранее боится моего ответа, протискивается между людьми в очереди и направляется к нашему столу. *Когда-то общему.*

Мы с Дашей и Катей в эти годы постоянно встречались именно здесь: учились, сплетничали, прятались от мира.

Она бросает взгляд на стол — там нет второй чашки для нее. На лице на секунду мелькает разочарование, но она все равно опускается на стул напротив.

И что она ожидает? Мы больше не подруги. И не будем ими снова только потому, что она сейчас произнесет слово «прости». И тут меня пронзает новая, неприятная мысль: а если она пришла не извиняться, а *объяснять, почему так было правильно?*

— Элька, — начинает она, используя прозвище, которое когда-то придумала Даша.

— Элина, — спокойно поправляю.

В ее глазах вспыхивает тревога, тут же сменяясь раздражением.

— Элина, — повторяет уже более жестко. — Если мы не можем обсудить это как взрослые люди, я не понимаю, зачем ты вообще согласилась встретиться.

Я сильнее сжимаю руку на стакане. Она серьезно? Стоит ли уголовного дела бросить ей кофе в лицо? Даша, наверное, с радостью примчалась бы вызволять меня из отделения, звеня бубенчиками и поздравляя с тем, что я наконец дала выход «священной женской ярости».

— Чего ты хочешь, Катя? — выбираю прямоу и выражение лица «я считаю тебя земной слизью», надеясь, что оно не покажет, как близко подступают слезы. На самом деле мне хочется ее трясти, выбить ответы, спросить, *почему*. Почему предала *она* — та, с кем мы столько прошли. И что я ей сделала такого, чтобы заслужить это.

— Я не хотела, чтобы так получилось, — начинает она, складывая руки на столе. — Но ты же знала, что он мне нравился, еще до того, как вы начали встречаться. А когда вы начали, ты даже не заметила, как это на меня влияет. Ты выставляла его напоказ, — слова вырываются из нее потоком, будто она репетировала эту речь всю последнюю неделю. — Притащила его во все наши компании, на каждую встречу... Что я такого сделала, чтобы заслужить все это?

У меня в горле застревают слова. Это не извинение. Это обвинение — аккуратно упакованный список претензий, который она теперь выкладывает мне на стол. И она использует *мою* формулировку — «что я сделала, чтобы заслужить это?» — но переворачивает ее так, будто жертва тут она.

— Могла бы и сама взять свои слова назад и поговорить со мной как взрослый человек, — бросаю ей в лицо, голос звенит от напряжения. — В любой момент могла бы. — Не сдерживаю эмоции, голос срывается выше:

— Могла бы не спать с моим женихом за месяц до свадьбы!

Стакан с кофе ударяется о стол, крышка спасает от потопа, но мне все равно — пусть льется, если хочет. Головы поворачиваются, шепотки бегут по залу.

Лицо Кати заливают краска — то ли стыд, то ли злость. Мне без разницы. Думает, что публичное место меня заткнет? Сейчас я не старший аналитик «Разумных технологий». Я просто Элина — и Элина ныряет в конфликт с головой, если ее довести.

Краем глаза замечаю, как кто-то достает телефон, чтобы сфотографировать нас. Женщина рядом отталкивает его руку, шипя что-то сердитое. Это меня чуть притормаживает, пока Катя пытается собрать слова воедино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.